

Лит. Россия, 1981, 21 авг.

◆ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

ОДНО ЛИШЬ УТРО...

Она жила в Петербурге на Васильевском острове. Ее семья давно обрусела. Пращуры выехали из Эльзаса в Москву еще в царствование Михаила Федоровича и аступили в военную службу. Отец служил корнетом у Суворова и погиб в бою. Мать была поденщицей. Стирала, гладила, шила на богатых. Семья большая. Дети самые обыкновенные. А она — необычная.

Она говорила, пела и смеялась во сне. И боялась большой бараньей шапки. У нее был свой, сказочный мир. Снег ей представлялся просыпанными звездами. Лунный свет — серебряной пылью. Бабушка она считала волшебницами. А красивых девушек — феями.

Она не училась в школе — на было денег. Учителем ее был Гросс-Гейнрих, друг отца. Выручали усидчивость, память, наблюдательность. В десять лет она знала — помимо родного русского — немецкий и французский языки. В одиннадцать овладела в совершенстве итальянским. Читала наизусть Тассо. Писала поэтические произведения. Теперь она знала больше Гросс-Гейнриха. И он перестал быть ее учителем, но оставался большим другом. Языки она запоминала, как музыку. Латинский, греческий, церковнославянский. Английский, новогреческий, испанский, португальский. Весь многоязыкий мир зазвучал в ее сердце. Песни Анакреона в

ее переводе на пять языков стали ее дебютом в поэзии. Она хорошо рисовала и играла на фортепьяно. Эти уроки ей давали из милости в Горном Корпусе. В ее душу природа заронила горсть талантов. Но она скромно относилась к своим способностям:

*Один мне дар из многих
Природа уделила:
Высоким стихотворца
Напевом наслаждаться
И чувствовать глубоко
И радости, и скорби,
Им в песнях излияны.*

Для всех время бежало, а для нее замедляло бег. Потому она так много успевала делать. Она и выросла быстрее сверстниц. Девочка в четырнадцать лет превратилась в стройную девушку. Красивое лицо обрамлялось волнами каштановых волос. Всегда лучились ее большие темно-голубые глаза. Чистое, доброе сердце еще более облагораживалось общением с миром прекрасного.

Но все это погибало от нужды и лишения. Ее преследовал постоянный голод. С квартиры прогнали — нечем было платить. Перо не слушалось окончивших от холода рук. От слабости она засыпала, укутавшись в лохмотья.

Гросс-Гейнрих приходил в отчаяние, но не мог помочь. Сам был беднее церковной мыши. Все его богатство составляла переписка с великим Гёте.

Гросс-Гейнрих послал ему стихи своей бывшей ученицы. И вот что ответил поэт: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гёте, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков ни аздумала писать». От этих слов юная поэтесса разрыдалась. Обидно, что нужда губит ее талант...

Но вот однажды в дверь громко постучали. На пороге появился царский курьер:

«Ее императорскому величеству государыне императрице благоугодно было обратит внимание на поэтическое дарование девицы Кульман, поднесшей ее величеству свой перевод стихотворений Анакреона, в доказательство чего императрица пожаловала ей подарок и назначила ежегодное пособие в 200 рублей из дворцовой конторы».

Нужда отступила в угол, но из дома не ушла.

Как-то Гросс-Гейнрих рассказал о Коринне. Она жила в Древней Греции одновременно с Пиндаром. Вместе с ним занималась у учительницы Мирто. Одерживала над ним победы на Олимпийских играх. Но ее стихи пропали в глубине веков. И Елизавета Кульман заново написала песни Коринны. Стала достойной соперницей Пиндара. «...Постигла мир греческой красоты и наслаждалась его сокровищами в божественных звуках его собственного языка, — такое редкое, какое дивное явление нравственного мира!» Так писал о ней Белинский.

Таким образом, она второй раз победила время. Смогла вернуться в прошлое и жить той жизнью. Но давалось это нелегко. Была распределена каждая минута. Нужен регулярный отдых. Но вместо отдыха на нее обрушилось новое испытание.

7 ноября 1824 года ночью поднялся страшный ветер. Сорвало мосты. В воздухе крутились листья ирвельного железа. Хлынул ливень. Нева закипела и пошла всять. Началась наводнение. Люди лезли на она на фонари, на деревья. А у нее в это время жар от воспаления легких. Простыла, потому что не имела пальто. С узлами она побежала с матерью в Горный Корпус Холод и ветер ударили в грудь.

Началась чахотка. Больная, она была прекрасной прежде. Обострились черты светящегося лица. Казались огромными блестящие глаза. Но прозрачная руна выронила перо. Гросс-Гейнрих стал ее секретарем. Год, смертельно больная, она писала жизне-радостные стихи. Ведь истинная поэзия — это мечта. Однажды она попросила почитать ей любимого Тассо. И во время чтения ушла в прошлое. Ей исполнилось семнадцать лет.

Елизавету Кульман похоронили на Смоленском кладбище. По повелению императрицы поставили памятник из белого мрамора со спящей музой. «Роза, она прожила, сколько живут розы, — одно лишь утро». Эти слова написали на четырнадцати языках, которые она знала.

Академия наук выпустила академическое собрание ее сочинений — стихи, переводы, сказки. На всех языках. Прочитав их, Карамзин воскликнул: «Что за необыкновенное восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дам...»

Понимаешь? Или нет, поэтесса? — Это дело прошлое. — Это как в тот раз, когда... — Понимаю, — сказала миссис Метро, а мы этого не знаем. П